

Т. В. Лисовская

Белорусский государственный университет, г. Минск

T. Lisouskaya

Belarusian State University, Minsk

УДК 94:2(476)

ФОРМЫ И СПОСОБЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЗДНЕПРОТЕСТАНТСКИХ ОБЩИН В БССР В 1920–1930-Х ГГ.

FORMS AND METHODS OF ORGANIZING THE ACTIVITIES OF LATE PROTESTANT COMMUNITIES IN THE BSSR IN THE 1920-1930S.

В статье рассмотрены вопросы структурной организации позднепротестантского движения, форм и методов работы в БССР в 20–30-е гг. XX в. Автор отмечает, что в 20-е гг. XX в. была сформирована система поместных общин, которые вошли в систему общесоюзных организаций. Горизонтальная структурная организация обеспечивалась созданием внутренней структуры общины и внедрением форм внутри-общинной и внеобщинной деятельности. Вытеснение религиозных акторов из публичной сферы в частную привело к ограничению форм деятельности и организации, в результате чего позднепротестантские общины БССР были вынуждены с конца 20-х гг. XX в. сосредоточиться преимущественно на культовой деятельности для удовлетворения религиозных нужд верующих.

Ключевые слова: поздний протестантизм; евангелизм; баптизм; адвентизм; евангельские христиане; религиозная политика; БССР.

The article examines the issues of the structural organization of the late Protestant movement, forms and methods of work in the BSSR in the 20–30s. XX century The author notes that in the 20s. A system of local communities was formed, which entered the system of all-Union organizations. Horizontal structural organization was ensured by the creation of the internal structure of the community and the introduction of forms of intra-community and extra-community activities. The displacement of religious actors from the public sphere into the private sphere led to a limitation of forms of activity and organization, as a result of which the late Protestant communities of the BSSR were forced from the late 20s. focus primarily on religious activities to satisfy the religious needs of believers.

Keywords: late Protestantism; evangelical churches; baptism; adventism; evangelical christians; religious policy; BSSR.

Позднепротестантское движение в Беларуси к 1917 г. было представлено немногочисленными общинами евангельских христиан, баптистов и адвентистов седьмого дня. В результате легализации деятельности с 1905–1906 гг. произошло увеличение численности общин – в 1910 г. в Северо-Западном крае насчитывалось 10 общин баптистов [27, с. 6], но в связи с ограниченными административными мерами, особенно в период Первой

мировой войны, рост общин проходил медленными темпами. После революции 1917 г. и прихода к власти РКП(б) несмотря на общий антирелигиозный концепт, в отношении евангельских движений государство рассматривало «сектантов» как условно близкую по социальной позиции общность, дискриминируемую царизмом, и стремилось получить поддержку протестантов и использовать их как средство уменьшения влияния православной церкви в обществе. В связи с этим в первые послевоенные годы наметилась тенденция к росту численности общин в Беларуси: в 1919 г. – была создана община ЕХБ у в. Ельня Краснопольского района, с 1920 г. – община д. Черчерск [13, с. 4], у 1922 г. – общины д. Пружинищи [14, с. 2], Юркевичи [43, с. 36] на Гомельщине, у 1922 г. – община д. Клети Костюковичского района. Образовывались и общины евангельских христиан: в 1920 г. в Витебске [5, с. 101], в 1924 г. в Минске уже две общины, в 1925 г. община в Койдановском районе [25, с. 195] и др.

Достаточно лояльное отношение советской власти к позднепротестантским движениям создало возможности не только легальной деятельности и увеличения численности общин и приверженцев, но и создания институционализации движения – вертикальной и горизонтальной структуры, диверсификации способов религиозной и внерелигиозной деятельности.

Формы организации деятельности позднепротестантских общин в 20-30-е гг. XX в.

Основной структурной единицей протестантского движения являлись местные общины. Создание поместных общин и формирование их четкой внутренней структуры являлось одной из задач церковного строительства на данном этапе.

Советское законодательство, в частности Инструкция НКЮ «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 30.08.1918 г. и Постановление ВЦИК от 12 апреля и 3 августа 1922 г., вводили обязательную регистрацию религиозных объединений в местных государственных органах [37с. 1–97; 30, с. 14]. Виновные в несвоевременной регистрации, незарегистрированные общины подвергались в административном порядке штрафу до 100 руб. или принудительным работам до одного месяца [30]. Несмотря на наличие правовых основ, регистрация общин в БССР началась только в 1924 г. после Циркуляра НКВД № 277 от 27 ноября 1924 г. и Постановления Президиума СНК БССР от 20 мая 1925 г. Как отмечает Бобруйский окружной исполнительный комитет, рассмотрение уставов и перерегистрация религиозных обществ в БССР началась только осенью 1924 г., когда вступили в силу обязательные постановления Окрисполкома № 12 от 17 сентября 1924 г. материалы по религиозным обществам [36, с. 58].

Возможность легализации привела к резкому увеличению числа общин. В докладной записке «О сектантском движении в Белоруссии» отмечено, что в 1923–1925 гг. наблюдается рост числа евангелистов примерно на 40 % [31; 24, с. 78]. Так, если в 1925 г. в БССР действовало 46 «сектантских»

общин общей численностью 2584 человек [33, с. 5], то в 1929 г. уже 41 община евангельских христиан, 27 баптистских общин, 6 адвентистских общин – всего 4754 верующих [48, с. 59]. В начале 30-х гг. XX в. в БССР уже насчитывалось 86 евангельских общин [34, с. 15]. Однако в приведенных данных указаны только зарегистрированные общины. Так, в 1924 г. в Гомельском районе насчитывалось три зарегистрированные общины евангельских христиан и три незарегистрированные [9, с. 193об–194], в Наровлянском районе из 5 действующих общин были зарегистрированы только три [19, с. 92–93].

Структура общины состояла из руководящего звена, Совета общины и верующих. Руководящее звено общины составляли назначенные головной общиной либо избранные общим собранием общины пресвитеры, дьяконы, казначеи (кассиры), проповедники, миссионеры, учителя, которые занимались координацией деятельности общины и проведением религиозных практик. К примеру, Устав Минской общины евангельских христиан предполагал в структуре общины наличие Совета, который управляет делами общины (не менее 5 человек) и избирается общим собранием членов, Президиум Совета составляли председатель, его товарищ (заместитель), казначей, секретарь [15, с. 3–4]. Нередко пресвитеры направлялись центральными организациями. Так, Минскую общину евангельских христиан организовал и возглавил присланный Союзом из Петрограда В. Н. Чечнев [2, с. 407].

Организационно, община состояла чаще всего из центральной общины, а также филиалов или групп чаще всего в ближайших деревнях, члены которой являлись членами общины. Так, Витебская община в 1928 г. насчитывала 19 человек и имела 5 отделений (д. Завязье – 21 человек, д. Куриловщина – 14, д. Боньки – 11, м. Бешенковичи – 20 человек, д. Коревы – 7 человек) [7, с. 41]. Сивинская община ЕХ Гомельской области в конце 20-х гг. XX в. объединяла 8 групп верующих – Сивинская группа, Боротьбенская (д. Романова), Халецкая, Радужская, Купреевская, Неглюбская, Святиловичская, Гутницкая и на 1927 г. насчитывала 145 человек, из которых в д. Сивинка проживал только 41 человек [10, с. 23–25, 30, 33, 26]. Такие филиалы или «миссионерские пункты» курировались пресвитерами центральных общин, которые периодически посещали их и проводили богослужения.

В 20–30-е гг. XX в. баптистские общины БССР организационно входили в Федеративный союз баптистов СССР (до 1926 г. – Всероссийский союз баптистов) с центром в Москве. Общины адвентистов седьмого дня с 1920 г. входили в Северо-Российскую конференцию (Витебская губерния), остальные – в Западно-Российскую конференцию Всероссийского (с 1924 г. – Всесоюзного) союза адвентистов седьмого дня (ВСАД). В 1927 г. было создано Белорусское миссионерское поле, которое в 1928 г. вошло в Северо-Восточный дивизион [4, с. 51]. Общины евангельских христиан вступили в Всесоюзный союз евангельских христиан (ВСЕХ) с центром в Петрограде. 3–4 февраля 1922 г. в Минске состоялся Минский организационный Съезд

евангельских христиан, на котором было принято решение об организации Минского окружного отдела ВСЕХ и его регистрации [38, с. 3–8]. В 1923 г. уже были созданы Гомельский Окружной Союз (входила община г. Мозырь (250 человек) [29, с. 151]. В 20-е гг. XX в. общины евангельских христиан БССР находились в составе Минского окружного отдела, Гомельского окружного отдела, Смоленского окружного отдела ВСЕХ [38, с. 5].

Для организации и координации деятельности общин в рамках Окружных союзов евангельских христиан и общин баптистов БССР проводились региональные съезды. Следует отметить, что Директивные указания ЦК РКП(б) от 29.06.1921 г. по вопросу организации разветвленной системы сектантского движения запрещали проведение съездов [28, с. 6]. Так, в 1923 г. Гомельский Губисполком не разрешил проведение регионального съезда баптистов на базе общины д. Уть [8, с. 9]. Несмотря на политику ограничения организационной деятельности, в 1925 г. в Слуцке был проведен окружной съезд работников Союза евангельских христиан, в июле 1928 г. в Минске состоялся Съезд баптистов Беларуси [1, с. 284].

Методы организации деятельности позднепротестантских общин в 20-30-е гг. XX в.

В период относительно лояльного отношения советской власти к позднепротестантским движениям в начале 20-х гг. XX в. общины и организации в своей деятельности применяли разнообразные формы и методы работы, традиционно присущие протестантизму: внутриобщинные (направленные на организацию внутрицерковной жизни, обеспечение религиозного обучения, социальную поддержку членов общин и удовлетворение религиозных потребностей верующих) и внеобщинные. С целью привлечения к активной деятельности всех членов общин при общинах традиционно предполагалось создание системы кружков: молодежных, женских, воскресных школ, музыкальных, миссионерских и других служений.

Однако особенности построения системы французской (враждебной) сепарации в СССР и БССР, основанной на вытеснении религиозных акторов из публичной сферы и подмене религиозного сознания атеистическим, не предполагали развития внутренней и внешней организационной структуры общин и движений, содействующей закреплению религиозных верований. Соответственно, основной целью деятельности общин являлось исключительно удовлетворение религиозных потребностей.

Инструкция НКВД и НКЮ БССР по вопросам, связанным с осуществлением декрета об отделении церкви от государства, от 12.06.1928 г. (от 05.05.1928 г.) закрепляла, что религиозные организации должны преследовать только чисто религиозные цели, а богослужения, проповеди, которые являются необходимой частью богослужения или молитвенного собрания, бракосочетания, крещения и отпевание умершего в стенах культовых зданий могут осуществляться свободно. Однако не разрешалось использовать молитвенные собрания, богослужения для деятельности, которая не являются частью богослужения [41, с. 31–34]. В связи с этим основной

деятельностью общин являлась культовая. В 20–30 гг. XX в. богослужения позднепротестантских общин проходили в молитвенных домах, чаще всего в арендованных зданиях. К примеру, в Слуцке в 1921 г. община евангельских христиан первые богослужения проводила в здании кальвинистской церкви, которое предоставил местный священнослужитель, молитвенные собрания Витебской общины ЕХ в первой половине 20-х гг. XX в. проводились в бывшем храме старообрядцев по бывшей улице Богословской [6, с. 33]. Молитвенные здания в 20–30 гг. XX в. строили достаточно большие по численности общины: в 1924 г. (по другим данным – в 1926 г.) Слуцкая община евангельских христиан построила молитвенный дом [1, с. 284], в 1923–1925 гг. – община баптистов г. Гомель [11, с. 13; 12, с. 36], в 1926 – община ЕХ д. Подоресье Слуцкого района [50, с. 71], молитвенный дом имела и община баптистов д. Уть. Богослужения проводились один-два раза в неделю [32, с. 37–44].

Советское законодательство в значительной степени ограничивало возможности общин в организации религиозного обучения верующих, прежде всего детей и молодежи. Инструкция НКВД и НКЮ БССР от 12 июня 1928 г. (от 05.05.1928 г.) категорически запрещала организацию системного обучения религии детей до 18 лет – «Граждане могут учиться религии сами и учить других частным порядком и на этой основе родители могут учить своих детей религиозным учениям сами или через приглашенных для этого особо, при чем, однако, это обучение не может иметь группового характера, это значит, что численность учеников не должна превышать трех» [41, с. 31; 16, с. 62–62].

До 1929 г. в Петрограде для образования взрослых еще действовали курсы для верующих, однако на местах местные власти не давали разрешения на проведение региональных библейских курсов. Как результат, в 20–30-е гг. XX в. у большинства пресвитеров отсутствовало религиозное образование. Исключение составляли реэмигранты, которые получили религиозное образование за границей. Так, после 1917 г. в Минск приехали и работали проповедники Д. Поляков, К. Юржиц, П. Аксючиц, которые были направлены В. Фетлером после получения религиозного образования в США [2, с. 407]. В общине д. Подоресье Слуцкого района служил выпускник Библейского института Поляков [45, с. 71], в д. Лешница Березинского сельсовета служил А. Г. Слабко, который получил религиозное образование в США [36, с. 39].

В 1921–1929 гг. общины баптистов и евангельских христиан имели достаточно молодую демографическую структуру: в составе общин молодежь составляла 25(22) % от общего числа зарегистрированных [32, с. 23; 31, с. 24]. В связи с этим работе среди молодежи придавалось особое значение. На Минском организационном съезде евангельских христиан 3–4 февраля 1922 г. был поставлен вопрос о необходимости активной работы среди молодежи и разработке методов для начала работы [39, с. 8]. Расширение позднего протестантизма, его количественное увеличение и широкое

вовлечение молодежи вызывало беспокойство советских властей. Выступая на VIII съезде ВЛКСМ, Н. И. Бухарин заявил: «Мы полагаем, что комсомол — единственная организация молодежи в нашей стране. Существует, однако, целый ряд сектантских организаций, которые объединяют в своих рядах примерно столько же, сколько комсомол» [3, с. 302]. Бюро ЦК РКСМ еще в 1922 г. разослало в местные органы власти директивы для принятия мер по ограничению деятельности религиозных организаций. ЦК РКСМ настаивал на обязательной регистрации христианских кружков в органах ОГПУ, на недопущении укрупнения объединений верующих, на запрете молодежи до 18 лет вступать в религиозные общины. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) 22 ноября 1924 г. постановила поручить ОГПУ принять меры к роспуску и недопущению сектантских религиозных юношеских кружков. В связи с политикой ограничения деятельности молодежных кружков их организация была приостановлена [18, с. 142–143об]. В 1925 г. Мозырским окружкомом КП(б)Б в ЦК КП(б) отмечалось практически отсутствие кружков молодежи, в округе действовал только один молитвенный кружок молодежи в Копаткевичском районе [33, с. 37–44].

Внецерковная деятельность протестантских общин, направленная на взаимодействие с обществом, проявлялась прежде всего в активной миссионерской деятельности для распространения вероучения и увеличения числа прозелитов. В 1921 г. 24-й Всероссийский съезд баптистов призвал верующих «считать дело благовестия важнейшим в нашей духовной жизни делом» [23, с. 11]. В рамках Минского окружного отдела ВСЕХ на ставке работали направленные Союзом Т. К. Голубев и Б. С. Чеберук. На Организационном Съезде ЕХ в Минске в феврале 1922 г. были избраны еще 15 благовестников, которые работали в Минском окружном отделе ВСЕХ на безвозмездной основе по 1–3 месяца в год [39, с. 7–7об].

В СССР и БССР был введен запрет публичной миссионерской работы и религиозной деятельности вне зарегистрированной общины. Инструкция ВЦИК № 260/с от 22.08.1927 г. строго ограничивала деятельность проповедников местом нахождения молитвенного помещения. Согласно Инструкции НКВД и НКЮ БССР 12.06.1928 г. (от 5.05.1928 г.) служители культа не имели права для проведения религиозных обрядов, проведения молитвенных собраний и других целей переходить на территорию не своего братства, группы или объединения [42, с. 31–34]. Разъяснение НКВД БССР начальникам районных и городских административных отделов о недопустимости непосредственных отношений со служителями религиозных культов в деле регистрации религиозных общин от 01.12.1930 г. определяло, что район деятельности служителей культа ограничивается местом жительства членов обслуживаемого ими религиозного объединения и местом нахождения соответствующего молитвенного здания [17, с. 31].

Несмотря на законодательный запрет публичной миссионерской работы, миссионерская деятельность осуществлялась и имела разнообразные формы: распространение религиозной литературы пропагандистского ха-

рактера (брошюры, листовки), чтение проповедей, открытые молитвенные собрания [20, с. 40–41], чаепития [18, с. 42–43об], подарки, обеды, пение для детей [19, с. 92–93], в отдельных местностях (в Мозырском районе) организовывали кружки по сельскохозяйственным и вопросам природо-ведения [21, с. 8]. Основным методом распространения вероучения было непосредственное общение с местными жителями в ходе миссионерских поездок и рейдов, в ходе которых члены общин ездили по деревням, организовывали поездки в братские общины иных областей. Так, в конце августа 1928 г. Витебскую общину баптистов и 5 филиалов в миссионерской поездке посетил миссионер из Гомеля [7, с. 31]. Также в Березовскую и Угловскую общины евангельских христиан приезжали миссионеры из Одессы и Ленинграда [19, с. 92].

Как мы видим, в 20-е гг. XX в. в условиях достаточно лояльной политики советской власти и легализации деятельности позднепротестантских общин наметился подъем в движении евангельских христиан, баптистов, адвентистов седьмого дня, что выразилось в количественном росте общин и приверженцев, структурной организации движения. В позднепротестантском движении БССР в 20-е гг. XX в. проходил процесс создания вертикальной и горизонтальной структуры деятельности, а также выработки разных методов работы. Структура движений была сформирована посредством создания системы поместных общин, которые выступали в качестве основной организационной единицы. Вертикальный вектор организационной структуры был обусловлен созданием в начале 20-х гг. XX в. системы центральных организаций (Всесоюзного союза евангельских христиан, Федеративного союза баптистов, Всесоюзного союза адвентистов седьмого дня), в которые были организационно включены белорусские общины.

Горизонтальная структурная организация позднепротестантских общин обеспечивалась созданием внутренней структуры общины и внедрением разнообразных форм деятельности, внутриобщинной и внеобщинной. При этом вытеснение религиозных акторов из публичной сферы в частную привело к ограничению форм деятельности. Как результат, позднепротестантские общины были вынуждены с конца 20-х гг. XX в. сосредоточиться преимущественно на культовой деятельности для удовлетворения религиозных нужд верующих.

Таким образом, данные процессы свидетельствуют о начале процесса институционализации позднего протестантизма в Беларуси в 20-х гг. XX в. Однако в условиях формирования советского атеистического государства, не предусматривающего плюрализма идеологий и наличия в обществе сильных социальных акторов, разрешительной системы регистрации, применения методов администрирования местными властями институционализация движения не была реализована. Кроме того, в результате ужесточения антирелигиозных мероприятий в 1930-х гг. позднепротестантские общины начали переходить к нелегальным формам существования и деятельности

[24, с. 7]. Так, в 1937 г. в Рыловском и Дудчицком с/с Мстиславского района после закрытия баптистской общины продолжали проводить нелегальные собрания, в которых участвовали до 40 человек [22, с. 27–28]. По данным Уполномоченного по делам культов, в Гомельской области в 1929 г. насчитывалось 22 сектантские общины, к 1940 г. – осталось только две общины. При этом восстановление в 1945 г. 22 общин в области свидетельствует о деятельности данных общин нелегальным способом после их закрытия в довоенный период [45, с. 27].

Список использованных источников

1. Асаненко, П. «Залатое дзесяцігоддзе» у гісторыі Евангельскай Царквы ва Ўсходняй Беларусі (1917–1929 гг.) / П. Асаненко // Евангельская Царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць (да 500-годдзя Брэсцкай Бібліі): зб. матэрыялаў міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7 снежня 2019 г. / рэдкал. А. І. Бокун [і інш.]. – Вып. IV. – Мінск: Пазітыў-цэнтр, 2020. – С. 280–287.
2. Асаненко, П. Цэрквы евангельскіх хрысціян баптыстаў ва Усходняй Беларусі (1917 – канец 1940-х гг.) / П. Асаненко // Евангельская Царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць. Вып. III. (да 500-годдзя Рэфармацыі і 500-годдзя беларускай Бібліі): зб. матэрыялаў III Міжнар. навук.-практ. канф. / рэдкал. А. І. Бокун [і інш.]. – С. 403–410.
3. Бухарин, Н. И. Путь к социализму / Н. И. Бухарин. – Новосибирск: Наука, 1990. – 494 с.
4. Габрусевич, О. В. История административно-территориального деления церкви христиан адвентистов седьмого дня на территории Беларуси: 1902–1991 гг. / О. В. Габрусевич // Религия и общество – 17: сб. научн. ст. / под общ. ред.: В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко, Э. В. Старостенко. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2023. – С. 150–155.
5. Государственный архив Брестской области. – Ф. 952. Оп. 4. Д. 47.
6. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 10051л. Оп. 724. Д. 117.
7. ГАВт. – 100051л. – Оп. 742. Д. 117.
8. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 9. Оп. 1. Д. 163.
9. ГАГО. – Ф. 185. Оп. 1. Д. 86.
10. ГАГО. – Ф. 466. Оп. 1. Д. 122.
11. ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 1. Д. 5.
12. ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 5. Д. 55.
13. ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 5. Д. 58.
14. ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 5. Д. 121.
15. Государственный архив Минской области. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 34.
16. ГАМн. – Ф. 12п. Оп. 1. Д. 1000.
17. ГАМн. – Ф. 14. Оп. 1. Д. 55.
18. Государственный архив общественных организаций гомельской области (ГАООГО). – Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 95.
19. ГАООГО. – Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 100.
20. ГАООГО. – Ф. 69. Оп. 2. Д. 65.
21. ГАООГО. – Ф. 69. Оп. 2. Д. 519.

22. Государственный архив общественных организаций Могилевской области. – Ф. 41. Оп. 1а. Д. 327.

23. Дик, И. П. Становление евангельско-баптистского братства в России: 1860–1887: новые факты из архива В. А. Пашкова и их осмысление / И. П. Дик // Материалы научно-богословской конференции РС ЕХБ «140 лет российскому баптизму. Прошлое, настоящее, перспективы». – М., 2008. – с. 10–18.

24. Довгялло, Н. В. Религиозность населения БССР в 1920-х – 1930-х гг. / Н. В. Довгялло // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў. – 2014. – С. 78.

25. Канфесіі на Беларусі / В. В. Грыгор’ева [і інш.]; пад. рэд. У. І. Навіцкага. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.

26. Кравцев, А. Миссионерские структуры в Российском Союзе ЕХБ. Прошлое. Настоящее, будущее / А. Кравцев // Богословские рассуждения (Theological Reflections). – 2016. – № 16. – С. 7–8.

27. Миловидов, А. И. Современное штундобаптистское движение в Северо-Западном крае / А. И. Миловидов. – Вильна, 1910.

28. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 658.

29. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1103.

30. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1699.

31. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2325.

32. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2429.

33. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 10. Д. 45.

34. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 21. Д. 1900.

35. НАРБ. – Ф. 12. Оп. 1. Д. 6.

36. НАРБ. – Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 187.

37. НАРБ. – Ф. Р-34. Оп. 2. Д. 187.

38. НАРБ. – Ф. 60р. Оп. 3. Д. 560.

39. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 6.

40. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 7.

41. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 3. Д. 11.

42. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 3. Д. 26.

43. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 4. Д. 15

44. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 4. Д. 22.

45. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 4. Д. 43.

46. Российский государственный архив социально-политической истории (РГСПИ). – Ф. 2. Оп. 1. Д. 19054.

47. Савинский, С. Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1867–1917) / С. Н. Савинский. – СПб.: Христианское общество «Библия для всех», 1999. – 215 с.

48. Янушевич, И. И. Конфессиональная политика советского государства: уроки истории. 1917–1928 гг. / И. И. Янушевич. – Минск: БГУ, 2005. – 59 с.

(Дата подачі: 27.02.2024 г.)